

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174957-967>

Кудаева Светлана Григорьевна

д.и.н, профессор, зав. кафедрой истории и права

Майкопский государственный технологический университет, Майков, Россия

istpavo@yandex.ru**ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ФАКТОРЫ ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ДИАСПОРЫ: НА ПРИМЕРЕ АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ)
ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

Аннотация. Обращение к поставленной проблеме обусловлено современным состоянием адыгского (черкесского) этноса, когда диаспора по количественному составу значительно превышает численность проживающих на исторической родине. Местами компактного расселения адыгов являются страны Ближнего и Среднего Востока. Это произошло в ходе Кавказской войны, когда большая часть адыгского этноса была вынуждена покинуть свою историческую родину и переселиться в пределы Османской империи. В сложившейся ситуации актуализируются проблемы, связанные с особенностями формирования, развития и современного состояния адыгской (черкесской) диаспоры. В статье адыгская (черкесская) диаспора изучается в контексте критериев, определяющих диаспоральность этнических рассеяний. Автором представлены в кратком виде результаты исследований по типологии диаспор, в ходе которых были выявлены характерные и для черкесской диаспоры особенности, и сделан достаточно аргументированный вывод, что адыгская диаспора может быть отнесена к единому типологическому ряду, что и классические диаспоры. Это дает возможность более четко представить какое место в этой иерархии отводится изучаемой проблеме. Именно поддержание коллективной памяти считается главным, основополагающим показателем диаспоральности. Автором предпринята попытка изучения этой проблемы с учетом влияния элементов традиционной культуры адыгов, таких как нартский эпос, адыгский этикет и адыгская этика на поддержание исторической памяти и этнической идентификации. Конкретно-научную часть методологической основы составили принципы научности, историзма, объективности. Использовались также исторические методы исследования – ретроспективный, историко-типологический, конкретного анализа. Теоретической базой исследования послужили положения известных этнологов и этносоциологов. В ходе исследования проблемы сделан вывод, что за полуторавековой опыт своего существования адыгской диаспоре удалось продемонстрировать уникальный пример сохранения коллективной памяти и этнической идентификации.

Ключевые слова: Россия; Османская империя, адыгская (черкесская) диаспора, коллективная память, этническая идентификация, нартский эпос, адыгский этикет.

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174957-967>

Svetlana G. Kudaeva,
Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dep. of History and Law
Maikop State Technological University, Maikop, Russia
istpavo@yandex.ru

ELEMENTS OF TRADITIONAL CULTURE AS FACTORS OF RETAINING THE COLLECTIVE MEMORY AND ETHNIC IDENTITY IN DIASPORAS: ON THE CASE OF ADYGHE DIASPORA IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Abstract. The issue under consideration is conditioned by the current state of the Adyghe (Circassian) ethnos, when a diaspora, in terms of its quantitative composition, significantly exceeds the number of those living in their historical homeland. Nowadays, the Circassian people are concentrated in the countries of the Middle East. This was a result of the Caucasian War, when a significant number of Adyghe people had to leave their homeland and move to the territories of the Ottoman Empire. In regard to this issue, the problems related to the peculiarities of the formation, development and current state of the Adyghe (Circassian) diaspora are highlighted. The paper considers the Adyghe diaspora in the context of the criteria that determine the diasporality of ethnic dispersal. The author summarizes the results of studies on typology of diasporas, during which characteristic for the Circassian diaspora features have been identified. The author concludes that the Adyghe diaspora can be attributed to a single typological family, as the classical diasporas. This allows for better understanding of where the issue in question is placed in this hierarchy. The very maintaining of the collective memory is considered a crucial, fundamental indication of diasporality. The author attempts to study the issue with the consideration of influence of elements of traditional culture of Adyghe people, such as the Nart Sagas, Adyghe etiquette and ethics in regards to retaining the historical memory and ethnic identity. The methodological aspect of the study includes the academic principles of research, historicism, objectivity, as well as retrospective and historic-typological methods, and methods of concrete analysis. The theoretical aspect of the research is based on opinions of prominent ethnologists and ethnosociologists. During the research, we have come to the conclusion that in the century and a half experience of its existence, the Adyghe diaspora has managed to demonstrate a unique example of preservation of the collective memory and ethnic identity.

Keywords: Russia; Ottoman Empire; Adyghe (Circassian) diaspora; collective memory; ethnic identity; Nart Sagas; Adyghe etiquette.

Введение

Сегодня феномен адыгской (черкесской) диаспоры приобретает значение самостоятельной научной проблемы, требующей серьезного осмысления. Прежде всего, это обусловлено современным состоянием адыгского этноса. Известный кавказовед, исследователь проблем адыгской (черкесской) диаспоры А.В. Кушхабиев считает, что в наши дни адыги проживают более чем в 40 странах мира и количество их превышает 3 миллиона человек [1, с. 3.]. Местами их компактного проживания являются Турция, Сирия, Иордания. Такая ситуация сложилась в ходе Кавказской войны, когда большая часть адыгского этноса вынуждена была покинуть свою историческую родину и переселиться в пределы Османской империи. Нельзя считать целостной историю народа, не включив в нее ту его органическую часть, которая волей исторических судеб оказалась за пределами своей родины. В этой связи особую актуальность приобретают проблемы, связанные с особенностями формирования, развития и современного состояния адыгской (черкесской) диаспоры.

Уровень исторического знания, достигнутый к настоящему времени по проблемам формирования и развития адыгской (черкесской) диаспоры, позволяет достаточно аргументировано представить многие аспекты этого сложного процесса. Более того, уровень разработанности вопросов теории и методологии, а также типологии диаспор, позволяет систематизировать и интерпретировать имеющийся фактологический материал на достаточно убедительной теоретической основе, что придаст большую научность и обоснованность выводам.

По мнению ученых, диаспоральное сознание характерно для многих этнических групп в рассеянии, однако, далеко не любая может характеризоваться как диаспора. В основу ранжирования признаков классических диаспор в науке положен опыт изучения еврейских меньшинств, т.к. термин «классическая диаспора» традиционно используется именно по отношению к ним. Автором данной статьи предпринята попытка проанализировать общие, т.е. инвариантные характеристики классических диаспор и экстраполировать на черкесское (адыгское) рассеяние, т.е. выработать вариативный компонент методики [2, с. 28–39]. В ходе такого анализа удалось прийти к выводу, что черкесская (адыгская) диаспора может быть отнесена к типологическому ряду классических диаспор. Это дает возможность ее изучения в контексте сложившейся научной концептуальной схемы. Логика исследования поставленной проблемы прежде всего требует определения места коллективной памяти и сопряженной с ней этнической идентификации в иерархии критериев диаспоральности. В этой связи выделим основные из них:

- основным критерием диаспоральности ученые считают насильственный характер переселения. Именно это отличает классические диаспоры от новых форм рассеяния;
- диаспора может иметь этнос с уже четко проявленной идентичностью, т.е. сформировавшийся в период, предшествующий переселению;

- при изучении диаспоры необходимо учитывать степень интенсивности взаимодействия общин, то есть, по определению ученых, наличие некоего условного понятия как «узел» диаспоры,

- важным показателем жизнестойкости диаспоры является ее численный показатель, который существенным образом определяет характер расселения;

- значимым фактором, влияющим на особенности формирования диаспоры, характер ее расселения, является социально-экономическая ситуация, а также степень влияния политической системы страны нового проживания. Это во многом определяет проявление способности членов диаспоры быть полезными принимающему государству, т.е. то, что ученые выделяют как имманентный политический конформизм;

- и, наконец, сохранение коллективной памяти, которую большинство ученых считают основополагающим элементом диаспоральности [3, с. 51–66].

Следует отметить, что в познавательном плане, как самую сложную, пожалуй, можно выделить проблему формирования и поддержания коллективной памяти и этнической идентификации.

Материалы и методы

Исследование поставленной проблемы, прежде всего, потребовало обращение к истории вопроса. Начало социологическому исследованию памяти положил французский социолог Морис Хальбвакс [4]. Он первый предложил рассматривать коллективную память как общественный феномен, необходимый в социальной практике для выживания в обществе. По М. Хальбваксу, именно коллективная память является залогом идентичности общества. Следует учесть, что историческая память рассматривается как одно из измерений коллективной памяти. Историческая память – это главный канал передачи опыта и сведений о прошлом и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем [5, с. 41]. Его заслуга заключается еще и в том, что он первый рассмотрел проблему конституирования «знания», «памяти», не только как биологическую, но и как значимый аспект культуры [6, с. 98–109].

В контексте рассматриваемой проблемы интерес представляет взаимоотношение памяти и традиции, то есть того, что сложилось исторически и передавалось из поколения в поколение в течение длительного времени. Это элементы социального и культурного наследия, такие как нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д. Этой проблеме много внимания уделили итальянский историк Джамбаттиста Вико [7]. Е.В. Романовская отмечает, что, изучая поэмы Гомера и Законы XII таблиц древних римлян, по сути совершенно два совершенно разных текста, которые появились еще во времена устной традиции, Дж. Вико пытается обнаружить в них зашифрованную ментальность дописьменной

культуры, откуда эти тексты появляются как косвенные свидетельства. Он считает, что после того, как эпос стали записывать, а законы хранить в таблицах, их продолжали передавать в устной традиции. Эти произведения находятся на пересечении устной и книжной культуры и представляют собой канал обмена живой памяти и письменной коммуникации, способа, каким устная традиция связана с письменной культурой [6, с. 98–109].

Таким образом, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов устной традиционной культуры, коллективной памяти, этнической идентификации очевидна. Эта проблема особенно актуализируется в условиях диаспоры, так как интеграция иммигрантов в новую политическую, социально-экономическую, культурную среду обычно сопряжена с утратой своих отличительных национальных черт, то есть ассимиляцией. Именно поэтому в контексте выделенных учеными критериев, характеризующих диаспоральность любого рассеяния, основополагающими элементами признаны сохранение коллективной памяти, памяти о родине, а значит, этнической самоидентификации.

Ученые утверждают, что в диаспоре почти всегда присутствует коллективный миф о родине, который транслируется через устную память или тексты. Но понятие родины трактуется по-разному, поэтому, соглашаясь с этим утверждением, тем не менее, хотелось бы уточнить, что в данном контексте мы придерживаемся положения о том, что диаспору может иметь не страна, не государство, а этносоциальный организм. Иными словами, коллективная память – это уровень осознания людьми своей национальной, этнической принадлежности, совокупность представления нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности.

С этими положениями достаточно тесно коррелируют высказывания ученых, изучающих феномен еврейской диаспоры, о наличии некоего коммуникативного кода как одной из основ стратегии еврейской диаспоры [8, с. 110]. Подразумевается цельность культурного коммуникативного кода с собственной символикой, одинаково воспринимаемой и ощущаемой всеми членами диаспоры, то есть формирование осознания единства и общей исторической судьбы в ходе передачи информации из поколения в поколение. Это также представляется сложным в познавательном плане. Тем не менее, предполагается, что ориентиром может служить метаязык еврейской цивилизации, который исключает речевую коммуникацию – это древнееврейский язык – *лашон акодеш* или *язык Святости*, который удовлетворяет все потребности еврейской цивилизации [9, с. 16–17]. Т.е. речь идет о наличии устойчивых элементов в традиционной культуре народа. В статье предпринята попытка выделить именно те элементы традиционной культуры адыгов (черкесов), которые по своему содержанию и значению сыграли роль этноидентифицирующих факторов и в течение длительного времени способствуют поддержанию коллективной памяти.

В ходе исследования проблем поддержания коллективной памяти и этнической идентификации в условиях диаспор, конкретно-научную часть методологической

основы составили принципы научности, историзма, объективности. Использовались также исторические методы исследования – ретроспективный, историко-типологический, конкретный анализ. Теоретической базой исследования послужили положения известных этнологов и этносоциологов.

Обсуждение и результаты

В случае с адыгской диаспорой, помимо традиционных факторов коллективной памяти и этнической самоидентификации, представляется целесообразным из уникального культурного пласта адыгов выделить наиболее значимые элементы – общий для всех адыгов нартский эпос, уникальную адыгскую этику (*адыгагъэ*) и адыгский этикет (*адыгэ хабзэ*), как главные компоненты соционормативной культуры народа.

С точки зрения психологии, происхождение эпоса связано со свойством человеческой души, потребностью человека не просто прожить жизнь, но и непременно ее пересказать, зафиксировать в слове, сохранить прошлое. Уникальность эпоса в его назначении транслировать события прошлого, тем самым создавая пространственно-временные характеристики изображаемого мира.

В культуре адыгского общества нартский эпос занимает особое место, являясь отражением национального характера, его мировоззрения. О значении нартского эпоса для адыгов зарубежья профессор Л.А. Бекизова пишет, что «в условиях турецкой диаспоры, когда черкесы-переселенцы были лишены возможности носить родовую фамилию, говорить на своем языке, сохранение культурного единства стало реальным только через эпос» [10, с. 51]. Очевидно, что эпические традиции, формируясь на основе древних жанров фольклора, во многом способствуют сохранению культурного единства адыгов, осознанию своей этнической принадлежности и поддержанию коллективной памяти. Известный исследователь адыгского зарубежья Батырай Озбек в своих работах предпринял попытку осмысления культурно-исторической парадигмы этноса сквозь призму общего для всех адыгов нартского эпоса. В этом контексте автор пытается определить генезис адыгской этики, понять истоки формирования эстетических представлений народа, т.е. воссоздать целостную картину его историко-культурного развития. Это подтверждает, что адыгские диаспоры не предали забвению фольклор, национальные традиции, что во многом способствует их самоидентификации [11].

Но, бесспорно, основополагающими компонентами стратегии адыгского общества являются комплекс этических воззрений и идей – адыгство (*адыгагъэ*) и адыгский этикет (*адыгэ хабзэ*) – свод неписанных законов (обычаев). Это такие принципы мышления и поведения, которые составили основу ментальной организации и стали символом адыгской цивилизации. Несмотря на то, что эти понятия не идентичны, взаимосвязь и взаимообусловленность моральных норм и правил этикета очевидна. Иногда ученые склонны считать этикет составляющей этики как науки. Действительно, принимая нормы этикета,

человек практически всегда соотносит их со своими этическими понятиями. Т.е. очевидно, что и этика, и этикет определяют правила взаимоотношений людей в обществе. Это делает их неотъемлемой частью личности и определяют ее моральное самосознание. Более того, именно оба эти явления можно считать важными определителями поступков и поведения человека. И, что немаловажно в данном контексте, правила поведения в различных обществах могут отличаться, но в одном социуме они для всех членов одинаковы¹.

Соотношение адыгства (*адыгагъэ*) и адыгского этикета (*адыгэ хабзэ*) очень четко охарактеризовал известный исследователь адыгской этики Б. Бгажноков. Он пишет, что «в адыгэ хабзэ нет и по определению не может быть норм, не подконтрольных адыгской этике, противоречащих ее принципам и идеалам ... из этого следует другой очень важный вывод: не обращаясь к природе адыгагъэ, невозможно понять и во всей полноте представить специфику адыгэ хабзэ» [12, с. 7]. Автор также отмечает, что этика чаще всего реализует свои принципы и идеалы через традиционный адыгский этикет.

Но именно адыгство, определяя добро и зло, приличное и неприличное и т.д., то есть практически всю систему ценностей, составляет основу этической рационализации мира адыгов. Главное отличие адыгства от других этических систем заложено в самом названии, которое говорит о том, что оно направлено на производство этничности и противостояние процессам, разрушающим национальный дух. Формируя общий психический взгляд нации, адыгство способствует самосохранению и самовоспроизводству. Без сомнения, этикет в сочетании с *адыгагъэ* придает оригинальность адыгскому обществу и отличает его от других цивилизаций. Из всех известных этических систем подобными характеристиками обладает только абхазская система нравственных принципов – *ансуара* (абхазскость) [12, с. 3, 15, 27].

Адыгство, являясь основополагающим компонентом, формирующим концепцию самосознания адыгов, во многом делает возможным сохранение целостности этноса, несмотря на длительный «железный занавес», отделявший адыгов диаспоры от исторической родины. Внешние признаки ассимиляции, такие как забвение родного языка, обычаев и традиционных форм поведения, даже сознательная самоидентификация в качестве граждан других государств, не столь значимые определители. При определенных условиях процесс оказывается обратимым даже через несколько поколений, если в обществе сохраняется, по выражению С.В. Лурье, «доминирующая тема» или «культурная традиция», которая является стержнем интегральных процессов в этносе. Когда сохраняется бессознательное представление о характерном для данного этноса способе активности человека в мире, не важно на каком языке тот или иной член этноса говорит. Хочет он того или нет, он участвует во внутриэтническом конфликте [13, с. 385].

¹ Этика и этикет: в чем разница? Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://wlooks.ru/etiket/i-etika-chem-otlichayutsya/>. Дата обращения 25.08.2021 г.

Этикет, также являясь неизменным элементом культуры адыгов, определяет алгоритм действий в различных ситуациях. Это невидимая основа национального поведения, и в условиях кризиса этничности именно этикет может в значительной степени способствовать самоструктурированию этноса и в течение длительного времени поддерживать в сознании целостность адыгской картины мира. Не отрицая, что эти явления представляют весьма тонкую материю, сложно поддающуюся исследованию, тем не менее, нельзя не согласиться, что нартский эпос, адыгская этика и этикет являются важными составляющими характеристики общенационального контекста духовного состояния народа. Они способствуют не только осознанию себя частью единого этноса, но и поддержанию коллективной памяти. И в условиях диаспоры они незаметно сыграли свою роль, особенно в период, когда с исторической родиной практически не было контактов.

Непрерывно следует отметить, что на протяжении длительного периода становления и развития адыгской (черкесской) диаспоры значимым фактором в поддержании этнической самоидентификации явилась работа общественных культурных организаций. Основной их целью было сохранение национальной культуры. В 1927 г. в городе Эль-Кунейтра было образовано первое «Черкесское культурное общество», которое выпускало газету на четырех языках – арабском, турецком, черкесском и французском. Была издана черкесская азбука и учебники черкесского языка. В последующие годы аналогичные общества были организованы в городах Сирии, Иордании, Турции. В настоящее время только на территории Стамбула функционирует около полутора десятков таких культурно-просветительских обществ. Подробную информацию о деятельности черкесских общин, оказавшихся после раздела Османской империи в разных странах, дает А.В. Кушхабиев [1, с. 54–180].

Ярким подтверждением уровня поддержания исторической памяти и этнической самоидентификации можно считать исторические, литературные и фольклорные произведения авторов, представителей адыгского (черкесского) зарубежья, таких как И. Беркок [14], А. Иззет [15], М.Х. Хагондоко [16], Н. Бэрзэдж [17], С. Бэрзэдж [18], Б. Озбек [11], Шаукат Муфти [19], К. Натхо [20], Шакир Мустафа [21, с. 114–119], М. Шакер [22] и др. Особо следует отметить работу известного американского писателя, историка адыгского происхождения Кадыра Натхо «Черкесская история». Автору удалось показать всю историческую судьбу адыгского народа. А главное, он выражает уверенность, что адыги, несмотря ни на что, смогут сохранить свою целостность, язык и культуру.

Большинство авторов представляют четвертое, пятое поколение в диаспоре. Их работы в основном посвящены истории адыгов XIX в., их переселению с исторической родины в пределы Османской империи. События прошлого зачастую преподносятся сквозь призму трудностей и страданий, сопровождавших сложный процесс инкорпорации адыгов (черкесов) во все сферы стран их нового проживания. И это естественно, т.к., по мнению ученых, особенности формирования структуры исторической памяти чаще всего обусловлены самыми сложными, стрессовыми периодами в жизни этноса [23, с. 91].

У адыгов (черкесов) таким переломным событием стала Кавказская война, итогом которой было переселение большей их части в пределы другого государства и формирование диаспорных групп. События такого масштаба привели к глубокому кризису духовной и психологической жизни этноса, т.е. к этноэкологическому кризису. Была нарушена внутренняя социальная архитектура этноса, кардинально трансформировавшая его социальную структуру и образ жизни. Естественно, что эти события занимают центральное место в исторической и художественной литературе представителей адыгского (черкесского) зарубежья.

По мнению А. Бра, судить о проявлении коллективной памяти можно только по истечении существенного промежутка времени. Действительно, успешная интеграция в новую социокультурную среду, при этом с сохранением идентичности в условиях диаспоры, может произойти только при условии перманентной актуализации коллективной памяти и элементов традиционной культуры. Этот процесс требует немалых усилий, и оценить его можно спустя не одно десятилетие [9, с. 19].

Заключение

За полуторавековой опыт своего существования адыгской диаспоре удалось продемонстрировать уникальный пример сохранения коллективной памяти, несмотря на то, что долгое время в силу целого ряда причин, в основном политических, у представителей адыгской диаспоры не было возможности поддерживать связи с материнским этносом. И только коренные изменения последних трех десятилетий в политической жизни российского общества дали возможность представителям адыгской диаспоры наладить отношения с исторической родиной. Первые же контакты с представителями черкесской (адыгской) диаспоры показали, что большинство из них все еще четко осознают свою этническую принадлежность, многие владеют языком, что является подтверждением сохранности коллективной памяти.

О проявлении такого сложного явления как историческая память о родине мы можем судить не только в ходе личных контактов, но и по историческим, литературным и фольклорным произведениям авторов, представителей черкесского (адыгского) зарубежья. В большинстве этих работ представлена четкая реконструкция исторических событий и явлений прошлого, что является ярким подтверждением поддержания исторической памяти в адыгской (черкесской) диаспоре, которая трактуется как символическое представление о прошлом, сохраняющее смыслы, ценности, формы поведения.

Нартский эпос, адыгская этика и адыгский этикет, бесспорно являются наиболее устойчивыми элементами традиционной культуры адыгов. Именно они, по выражению С.В. Лурье, выступили в роли «доминирующей темы», т.е. явились стержнем интегральных процессов в этносе и, несомненно, сыграли значимую этноидентифицирующую роль в сложных условиях инкорпорации в

политическую, социально-экономическую и культурные сферы стран их нового проживания.

Следует также отметить, что пример адыгской (черкесской) диаспоры является ярким подтверждением того, что адыги (черкесы) зарубежья смогли не только сохранить историческую память и осознание своей идентичности, но и обрести новую в изменившихся условиях. Сегодня адыги (черкесы) в странах проживания представляют собой высокостатусные, хорошо интегрированные во все сферы жизни общества группы, что свидетельствует о высокой жизнестойкости народа и его высоких потенциальных возможностях. И, без сомнений, выражаясь словами профессора К.К. Султанова, «...перед нами иной социальный, культурный, мировоззренческий опыт, иной, но не прерывающийся с системой традиционных ценностей, с исторической памятью, аккумулирующей опыт предков» [24, с. 35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: «Эль-Фа». 2007.

2. Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Магарин О.Г. 2014. – 387с.

3. Kudaeva S.G. Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora) // *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. Year V, № 12 Salva, 2018 P. 51-66.

4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

5. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т.10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып.3. С. 39–44.

6. Романовская Е.В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. Вып. №1 (57), 2010. С. 98–109.

7. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.– Киев: «REFL-boor» – «НСА», 1994. – 656 с.

8. Ashkenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // *Identität in der Fremde* / M. Dabag und K. Platt (Hg). Bochum: Universitätsverlag, 1993. S. 106-116.

1. Kushkhabiev AV. Essays on the history of the Circassian diaspora [*Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diaspori*]. Nalchik: El-Fa, 2007.

2. Kudaeva SG. Adyghe (Circassians) people of the North-Western Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society [*Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva*]. Maikop: Magarin O.G., 2014.

3. Kudaeva SG. Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora). *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. Year V, No. 12. Salva, 2018. p. 51–66. (in English).

4. Halbwachs M. Social framework of memory [*Sotsial'nye ramki pamyati*]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2007.

5. Romanovskaya EV. Maurice Halbwachs: Cultural Contexts of Memory [*Moris Khal'bvaks: kul'turnye konteksty pamyati*]. *Izvestiya of the Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2010, 10(3): 39–44.

6. Romanovskaya EV. The phenomenon of memory: between history and tradition [*Fenomen pamyati: mezhd u istoriey i traditsiey*]. *Philosophy and Society*. 2010, 1(57): 98–109.

7. Vico J. Provisions of a new science of the general nature of nations [*Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsiy*]. Moscow, Kiev: “REFL-boor” – “NSA”, 1994.

8. Ashkenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // *Identität in der Fremde* / M. Dabag und K. Platt (Hg). Bochum: Universitätsverlag, 1993. p. 106–116. (in German).

9. Попков В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М.: Олита, 2002. №1. С. 6–23

10. Бекизова Л.А. Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. (По материалам международной научной конференции 14-19 октября 1991., Черкесск). Черкесск, 1993.

11. Özbek B. Die tscherkessischen Nartensagen. Ethnographic der Tscherkessen.3. Heidelberg, Esprit-Verlag, 1982, 245 p.

12. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, Издательский центр «Эль-фа», 1999. – 96 с.

13. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.

14. Berkok I. Tarihte Kafkasya. İstanbul, 1958;

15. Aydemir I. Göç: Kuzey kafkasya'lilerin göç tarihi. Ankara, 1988. 220s.

16. Mohammad Kheir Hagondoqa. The Circassians: origin, history, customs, traditions, Immigration to Jordan. Amman, 1985. 229p.

17. ١٨٩٧. ١٩٨٧. عمان. تهجير الشراكسة. Amman, 1987. 189 с.

18. Berzeg Safer. 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzev Kafkasya ve Sürgündeki Kafkasyalilar // Kafkasya Gersedi. Samsun, 1990, №1.

19. Havjoko Shaukat Mufti. Heroes and Emperors in Circassian History. Beirut, 1979. 350p.

20. Кадыр Натхо. Черкесская история. Майкоп, 2012. 454с.

21. الدكتور شاکر مصطفى. شراكس... كيف أخرجوا من ديارهم؟ // العربي. ١٩٩٣. العدد ٤١٧. ص ١١٤-١١٩. (Шакир Мустафа. Черкесы... как их изгнали? // Аль Араби 1993. № 417. С.114-119.)

22. Mohamad S. Shaker. A Study of the Circassian Settlement in the United States. New York, 1985.

23. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти: Москва-Майкоп, 2010. С.91.

24. Султанов К.К. Две культуры или одна? (Проблемы целостной характеристики) // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. (По материалам международной научной конференции 14-19 октября 1991., Черкесск). Черкесск, 1993. С. 34–42.

9. Popkov V. "Classical" diasporas: on the question of the definition of the term [«Klassicheskie» diasporas: k voprosu o definitsii termina]. Diasporas. Moscow: Olita. 2002, 1: 6–23.

10. Bekizova LA. Folklore-epic traditions as the basis of the Adyghe literary community. Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis, problems of study. (Based on the materials of the international scientific conference October 14-19, 1991, Cherkessk) [Fol'klornno-epicheskie traditsii kak osnova adygskoy literaturnoy obshchnosti // Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya. (Po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 14-19 oktyabrya 1991., Cherkessk)]. Cherkessk, 1993.

11. Özbek B. Die tscherkessischen Nartensagen. Ethnographic der Tscherkessen. 3. Heidelberg, Esprit-Verlag, 1982. (in German).

12. Bgazhnokov BKh. Adyghe ethics [Adygskaya etika]. Nalchik: "El-Fa", 1999.

13. Lurie SV. Historical ethnology [Istoricheskaya etnologiya]. Moscow: Aspect Press, 1997.

14. Berkok I. Tarihte Kafkasya. İstanbul, 1958.

15. Aydemir I. Göç: Kuzey kafkasya'lilerin göç tarihi. Ankara, 1988. (in Turkish).

16. Mohammad Kheir Hagondoqa. The Circassians: origin, history, customs, traditions, Immigration to Jordan. Amman, 1985.

17. ١٨٩٧. ١٩٨٧. عمان. تهجير الشراكسة. Amman, 1987.

18. Berzeg Safer. 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzev Kafkasya ve Sürgündeki Kafkasyalilar. Kafkasya Gersedi. Samsun, 1, 1990.

19. Havjoko Shaukat Mufti. Heroes and Emperors in Circassian History. Beirut, 1979.

20. Kadyr Natkho. Circassian history [Cherkesskaya istoriya]. Maykop, 2012.

21. الدكتور شاکر مصطفى. شراكس... كيف أخرجوا من ديارهم؟ // العربي. ١٩٩٣. العدد ٤١٧. ص ١١٤-١١٩. (Shakir Mustafa. Circassians ... how were they expelled? Al Arabi. 1993, 417: 114–119.)

22. Mohamad S. Shaker. A Study of the Circassian Settlement in the United States. New York, 1985.

23. Sheudzhen EA. Adyghe (Circassians) in the space of historical memory [Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati]. Moscow-Maykop, 2010. p. 91.

24. Sultanov KK. Two cultures or one? (Problems of integral characteristics). Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis, problems of study. (Based on the materials of the international scientific conference October 14-19, 1991, Cherkessk) [Dve kul'tury ili odna? (Problemy tselostnoy kharakteristiki) // Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya. (Po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 14-19 oktyabrya 1991., Cherkessk)]. Cherkessk, 1993. p. 34–42.

Статья поступила в редакцию 03.03.2021 г.